Характеристики воспоминаний о детстве и психологический облик взрослого

Нуркова В. В.,

кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и факультета специальной психологии МГППУ
nourkova@mail.ru

Масолова Г. Ю.,

выпускница факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В статье излагаются результаты эмпирического исследования, в котором обнаружены связи между особенностями психологического облика взрослого и характеристиками воспоминаний о детстве. Полученный факт интерпретируется как результат двустороннего взаимодействия реально пережитого опыта детства с механизмами селективности психики взрослого, отбирающими для актуального использования те воспоминания, которые согласуются со сложившейся структурой личности. Показано, что воспоминания о детстве обладают интраиндивидуальной стилевой устойчивостью, описываемой по параметрам готовности включения в коммуникацию, частоты использования, локализации источника воспоминания, яркости, количеству включенных в описание персонажей, а также насыщенности и знаку эмоционального компонента. Включение события «мое рождение» в графическое изображение прошлого связано с высоким уровнем эмоциональной устойчивости и удовлетворенности и с низким уровнем внутреннего конфликта. Люди, которым спонтанно доступны более ранние воспоминания, характеризуются высоким саморуководством и самоценностью при низком уровне внутреннего конфликта. Люди, чьи воспоминания о детстве включают преимущественно позитивные эмоции, уверены в хорошем отношении окружающих, эмоционально устойчивы, отличаются высоким самоконтролем. Резко негативная эмоциональная окраска воспоминаний о детстве связана с низким уровнем самопринятия и тенденцией к реализму и избеганию иллюзий. Обнаружено оптимальное число персонажей воспоминания о детстве (2 – 4), отклонение от которого связано с низким уровнем отраженного самоотношения, изоляцией от социального окружения и высоким уровнем внутреннего конфликта. Продемонстрировано, что люди с высоким уровнем развития произвольности способны к регуляции своего эмоционального состояния за счет актуализации последовательности воспоминаний с выбранным эмоциональным знаком.

Ключевые слова: воспоминания о детстве, автобиографическая память, самоотношение.

В тематике воспоминаний о детстве четко прослеживается две линии рассуждений. Первая рассматривает эти воспоминания как отражение детского опыта либо в прямой форме, либо в форме, трансформированной психологической защитой [7]. В этом подходе анализ воспоминания направлен на реконструкцию исследователем исходной (обычно семейной) ситуации субъекта, которая мыслится как условие становления его личностных свойств. Суммируя взгляды этой линии работ, можно сказать: взрослый человек располагает теми воспоминаниями, которые дало ему проживание собственного детства. Однако доказано, что даже в памяти ребенка содержатся воспоминания, неоднородные по своему источнику. В нашей работе [5] по указанному критерию было выделено четыре типа детских воспоминаний: 1) «натуральные» воспоминания – эпизоды, которые запечатлелись в детской памяти в связи с их новизной и эмоциональной насыщенностью; 2) «социальные» воспоминания, которые сложились на основе «натуральных» в условиях опосредствующих диалогов со взрослыми, задающих интерпретации опыта ребенка в системе социокультурных значений и формирующих особые структуры автобиографических рассказов; 3) «фантазийные» воспоминания, содержащие нереальные события, ошибочно маркируемые ребенком в качестве реально случившихся; 4) «артефактные» воспоминания, ретроспективно созданные взрослыми с воспитательными целями.

Вторая линия исследователей видит в воспоминаниях о детстве результат конструктивного процесса построения уже зрелой личностью автобиографического нарратива на основе запечатленного в детстве мнемического материала. Такой ракурс анализа предполагает, что взрослый селективно и творчески использует содержания автобиографической памяти для создания внутренне согласованной истории своей жизни. «Когда выдающийся писатель или художник дает нам иллюзию потока, возвращающегося к своему истоку, когда он сам думает, что заново переживает свое детство, рассказывая о нем, это значит, что он более других сохранил былую способность видеть и ощущать волнение. Но это не ребенок, выживший из детского возраста, это взрослый, который заново творит в себе и вокруг себя целый уже исчезнувший мир, и в эту картину входит больше вымысла, чем правды», – замечает М. Хальбвакс [8, с.132].

Например, следуя положениям А.Адлера, можно считать, что воспоминания о детстве - ретроспективная модель межличностных отношений настоящего [2]. Иными словами, «проблемные» воспоминания о ранних годах интерпретируются не как свидетельство реальных проблем в далеком прошлом, а как сигнал о неблагополучии в актуальных для субъекта ситуациях. М. О. Бондаревой [1] не выявлено однозначной связи между объективным уровнем благополучия ситуации в детстве и оценкой своего детства взрослыми (за исключением случаев крайне высокого и крайне низкого благополучия), однако обнаружена устойчивая связь высоких показателей рефлексивности, интернальности и осмысленности жизни с позитивной оценкой своего детства.

В нашем исследовании [4] показано, что изменение актуальной жизненной ситуации (неожиданное заключение в следственном изоляторе) ведет к значительным трансформациям воспоминаний о детстве (в сопоставлении с показателями в группе сравнения). Обнаруженный нами феномен «утраты детства» проявлялся в исключении тематики детского опыта из доступного психологического репертуара (рассказ о своей жизни начинался с подросткового возраста – в среднем с 14 лет). Этот феномен носил обратимый характер: применение специальной инструкции, направленной на актуализацию воспоминаний о детстве, позволило установить, что воспоминания не «стираются» и не подвергаются «защитному вытеснению». Исследуемый контингент отличается разрушением прагматики обращений к воспоминаниям о детстве вследствие субъективной невозможности использования опыта детской коммуникации во враждебной

среде следственного изолятора, их смысловая амплитуда таких воспоминаний стремится к нулю. Эти данные оборачивают исходный тезис: человек обладает такими воспоминаниями о детстве, которые по своей структуре и содержанию конгруэнтны его актуальному психологическому облику и состоянию в сложившейся жизненной ситуации.

Мы считаем продуктивным интегрировать две вышеописанных позиции, утверждая, что, с одной стороны, пережитый опыт детства, означенный в контексте социальной ситуации развития субъекта, формирует потенциально доступный корпус воспоминаний, а с другой стороны, сложившаяся личность выступает «селектором» и источником преобразования своего автобиографического потенциала.

В представленном ниже эмпирическом исследовании, во-первых, нас интересовал вопрос о стилевой устойчивости воспоминаний о детстве (поскольку только наличие устойчиво воспроизводящегося стиля воспоминаний позволяет обосновать гипотезу о его связи с фактами биографии и/или личностными свойствами). Во-вторых, мы предположили, что стиль воспоминаний о детстве отражается не только в содержательных, но и в формальных параметрах. И, в-третьих, мы поставили перед собой цель выявить связи между характеристиками воспоминаний о детстве и особенностями представлений о своих личностных характеристиках взрослого.

В корреляционном исследовании проверялись следующие эмпирические гипотезы.

- Воспоминания о детстве обладают интраиндивидуальной устойчивостью характеристик.
- Показатели самоотношения взрослого проявляются в свойствах воспоминаний о детстве.
- Поскольку раннее детство является периодом формирования эмоциональной сферы человека, то эмоциональная окраска и яркость воспоминаний о детстве должна обнаруживать связь со степенью самопринятия и внутреннего конфликта, с характером ожидаемого отношения со стороны социального окружения.
- Широкая представленность воспоминаний о детстве в психологическом репертуаре зрелой личности является свидетельством ее внутренней гармонии, в то время как избыточная частота обращения к детству может отражать действие защитных механизмов, «бегство» от проблем сегодняшнего дня.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 176 человек в возрасте 17–86 лет (средний возраст – 39, 57 лет, ст. откл. 14,9); из них 117 женщин и 56 мужчин.

Использовался следующий методический инструментарий.

1) Авторская методика исследования воспоминаний о детстве, где испытуемым предлагалось оценить по пятибалльной шкале частоту обращения к детским воспоминаниям и их субъективную важность. Далее требовалось за пять минут кратко записать максимальное количество воспоминаний о детстве, указать возраст, к которому они относятся, а затем выбрать из них два, являющихся наиболее важными – теми, от которых они не смогли бы отказаться ни при каких обстоятельствах. Каждое из этих двух воспоминаний оценивалось испытуемыми по пятибалльной шкале по параметрам: а) локализации источника воспоминания (помню сам или узнал от других); б) субъективной частоте обращения к воспоминанию; в) эмоциональной окраске (отрицательное – положительное); г) яркости воспоминания; д) готовности обсуждать это воспоминание с окружающими. Специально требовалось указать действующих лиц, присутствовавших в актуализируемом эпизоде; 2) методика исследования самоотношения (МиС) - шкалы

саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопринятие и внутренний конфликт (В. В.Столин, С. Р.Пантилеев); 3) опросник 16 PF Кетелла; 4) авторский вариант методики «Линия жизни» [5].

При обработке данных использовались описательная статистика, корреляционный анализ по Пирсону, Т-тест для независимых выборок и однофакторый дисперсионный анализ ANOVA. Все вычисления производились в статистическом пакете SPSS 10.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате было получено 176 полных протоколов.

А) Стилевая устойчивость воспоминаний о детстве.

На уровне значимости $p < 01$ обнаружены положительные корреляции между большинством показателей оценки первого и второго воспоминаний, актуализированных в качестве наиболее значимых: готовностью включения в коммуникацию (0,492), частотой обращения (0,484), локализацией источника воспоминания (0,438), яркостью (0,395), числом персонажей (0,275). На уровне значимости $p < .05$ коррелирует также эмоциональная окрашенность и насыщенность первого и второго воспоминаний (0,19). Таким образом, подтверждена устойчивость стилевых характеристик воспоминаний о детстве.

Б) Возраст первого воспоминания о детстве

Средний возраст наиболее раннего воспоминания в рамках интервью в нашей выборке составил 4,4 года (ст. откл. 2.09). При этом 33,5 % респондентов отнесли первое воспоминание к возрасту 0 – 3 лет, 24,6 % - к возрасту четырех лет и 42 % – к возрасту старше 4 лет. По данным зарубежных авторов, средний возраст, к которому адресуется самое раннее воспоминание, зависит от культуры и стиля взаимодействия с родителями и варьирует в пределах от 2,1 года (представители народа маори) до 4,1 лет у китайцев [11]. Полученные нами данные объясняются тем, что в исследовании не было создано специальной установки на поиск самого раннего воспоминания, поэтому испытуемые сами устанавливали критерий качества, исключая отрывочные, фрагментарные образы младенчества и воспроизводили только полноценные, вполне сформированные воспоминания.

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA показал, что тенденция актуализировать более ранние воспоминания обнаруживает связь с высоким уровнем саморуководства ($F = 2{,}241$, $df=2$, $MS = 11.113$, $p = ,046$), высоким уровнем самоценности ($F = 3{,}532$, $df=2$, $MS = 14{,}766$, $p = ,03$) и низким уровнем внутреннего конфликта ($F = 3{,}304$, $df=2$, $MS = 10{,}9$, $p = ,04$).

Обнаруженные различия выглядят еще более выпукло при исключении из анализа испытуемых со средними (обычно неинтерпретируемыми) показателями шкал опросника МиС в 4 – 5 стенов. Испытуемые с высокими относительно нормы показателями саморуководства ($M= 8{,}56$) по сравнению с испытуемыми с низкими показателями ($M = 3{,}8$) атрибутируют свои воспоминания более раннему возрасту ($t = -2{,}896$, $df = 61$, $MD =-1{,}7$, $p =,005$). Испытуемые с высокими относительно нормы показателями уровня самоценности ($M = 8{,}24$) по сравнению с испытуемыми с низкими показателями ($M= 3{,}31$) воспроизводят более ранние воспоминания о событиях детства (ср. 4,31 года, ст. откл. 0,23 против 6,31 года, ст. откл. 0.68), $t = 3{,}455$, $df = 79$, $MD = 2$, $p = ,001$). Аналогично, испытуемые с низкими относительно среднего показателями уровня внутреннего конфликта не только актуализируют значимо более ранние воспоминания ($M = 4{,}01$ года (1,78) против $M = 5{,}94$

года (1,89), t = - 3,589, df = 63, MD = -1,8. p = ,001), но и начинают воспроизведение именно с них.

Полученный эффект сохраняется при сопоставлении данных, полученных при интервью, с результатами, применения методики «Линия жизни». Первое воспоминание, нанесенное испытуемыми со значимо низким уровнем внутреннего конфликта на «Линию жизни», относится в среднем к возрасту 5,76 лет (4,85) против среднего возраста 9,53 лет (6,08) для представителей подгруппы со значимо высоким уровнем внутреннего конфликта (t = – 2.642, df = 63, MD = – 3.77, p = ,01).

Таким образом, испытуемые, которым спонтанно доступны более ранние воспоминания, характеризуются высоким уровнем саморуководства и самоценности при низком уровне внутреннего конфликта.

В) «Мое рождение» как событие личного прошлого

При работе с методикой «Линия жизни»25 % участников исследования нанесли на ось времени событие «мое рождение» или «я родился». Испытуемые, которые наносят на Линию жизни событие своего рождения имеют на уровне тенденции более высокие показатели по шкале самоценности МИС (t = 1,878, MD = 0,85, p = ,06) и значимо более низкие показатели по шкале внутреннего конфликта (t = – 2.488, MD = – 1.07, p = .01). Различия обнаружены так же при применении методики 16ЛФ. Испытуемые, которые наносят на Линию жизни событие своего рождения демонстрируют более выраженное проявление черты С (t = 2,443, MD = 0,96, p = ,016), т.е. более эмоционально устойчивы на фоне низкой Q4 (t = – 2,694, MD = – 1,05, p = ,008), что связывают с общей удовлетворенностью и расслабленностью. Наоборот, испытуемые с высокой выраженностью черты Q4 (фрустрированность, напряженность) в два раза реже обозначают факт своего рождения на Линии жизни (21 %) по сравнению с людьми с низкой выраженностью данной черты (46 %) (F =2,891, df=2, MS=0,551, p=0,006).

Г) Позитивная эмоциональная оценка воспоминаний о детстве

Среди воспоминаний о детстве, которые испытуемые отнесли к наиболее важным, преобладали вызывающие однозначно позитивные оценки эмоциональной насыщенности (71, 4%), только 8 % были связаны с негативными эмоциями и 20 % оценены как нейтральные. Среднее значение оценки эмоциональной насыщенности составило 4, 43 (1.1).

Позитивная эмоциональная оценка первого по порядку воспроизведения воспоминания о детстве обнаружила связь с высоким уровнем отраженного самоотношения (t = 1, 972, MD = 1,23, p = ,05), при этом эмоциональная оценка второго по порядку воспроизведения воспоминания не обнаруживает связи с данным показателем (t =1,11, p =0,26).

В дальнейшем мы анализировали среднее оценок эмоциональной позитивности двух воспоминаний для каждого испытуемого. Высокая средняя оценка позитивности воспоминаний детства связана с высокой перцептивной яркостью образа (t = 2,929, MD = 0,55, p = ,004) и частым мысленным возвращением к этим воспоминаниям (t = 2,211, MD = 0,16, p = ,03). Данный показатель обнаружил связь со следующими шкалами опросника 16 PF Кетелла: положительную связь со шкалой С – эмоциональной стабильностью (t = 1,941, MD = 0,8, p = ,05) и шкалой Q3– высоким волевым самоконтролем (t = 2,436, MD = 1,18, p = ,02), и отрицательную со шкалой М (ср. 7,2) - практичностью (t = -3,386, MD = 0,38, p = ,002).

Поскольку в основном испытуемыми воспроизводились позитивно окрашенные воспоминания, мы отдельно рассмотрели подгруппу с резко негативными эмоциональными оценками воспоминаний (1 и 2 балла). Т-критерий для независимых выборок показал, что представители этой подгруппы значимо ниже оценивают важность периода детства в целом (T = 1.989, df=175, MD=0,7343, SD= 0,3691, p=0,04) и демонстрируют более низкий уровень самопринятия (T = 2,161, df=174, MD= 1,1961, SD= 0,5536, p=0.03). При анализе данных

опросника 16 PF у этой подгруппы выявлены низкие относительно нормы показатели по шкале I (3,8), T = 2,304, df=174, MD= 1,7587, SD= 0,7635, p= ,02.

Таким образом, люди, которые негативно оценивают свои воспоминания о детстве, крайне реалистичны, не подвержены иллюзиям. Люди, чьи воспоминания о детстве однозначно эмоционально позитивны, напротив, в большей мере уверены в хорошем отношении окружающих, эмоционально стабильны и практичны, отличаются высоким самоконтролем.

Д) Стратегия изменения эмоциональной насыщенности при воспроизведении ряда воспоминаний

Еще одним показателем, включенным нами в анализ, стала гибкость и направление стратегии в воспроизведении воспоминаний о детстве. Выборка испытуемых была разделена на три части. В первую подгруппу вошли испытуемые, которые реализовывали стратегию актуализации эмоционально эквивалентных воспоминаний, т .е. оценки эмоциональной насыщенности первого и второго воспоминания совпадали (60 %). Во вторую подгруппу вошли те, у кого второе воспоминание было менее позитивное, чем первое (28 %) и, наконец, третью подгруппу составили те, кто вслед за менее позитивным воспоминанием воспроизводил более позитивное (12 %). Мы выявили резкую гендерную специфику в предпочтении той или иной стратегии: среди испытуемых, реализовавших в исследовании стратегию эмоциональной эквивалентности или «ухудшения», мужчины составили 33 и 28% соответственно. При этом стратегия «улучшения», т. е. актуализации более позитивного воспоминания вслед за менее позитивным воспоминанием была типично мужской (85 %, F=8,483, df=2, SEM=1,742, p=0,000). Другими словами, мужчинам доступны для актуализации эмоционально разнообразные воспоминания различного типа, они могут лучше произвольно регулировать свое текущее эмоциональное состояние за счет использования воспоминаний. Женщины же склонны «застревать» в эмоциональном потоке мнемического действия, им реже удается изменить направление воспоминания. Подгруппа испытуемых, «улучшающих» воспоминания, также значимо отличается по выраженности черты I (реализм, самостоятельность, скептицизм). У представителей данной подгруппы данная черта выражена значимо ниже (M=3,77, df=2, F=5,89, p=0,000).

Для снятия гендерного эффекта мы проанализировали отдельно подгруппы испытуемых реализовавших стратегию эмоциональной эквивалентности и «ухудшения», где пропорция мужчин и женщин представлена в равной мере. Представители «эквивалентной» группы считают, что они чаще вспоминают свое прошлое (t = – 3.26, MD = – 0.68, p = .002), их воспоминания более ярки (t = – 3,79, MD = – 0,72, p = ,000) и в целом более позитивны (t = – 4,3, MD = – 0.56, p = ,000).

Особенно интересно рассмотреть динамику субъективной яркости воспоминаний при переходе от первого воспоминания ко второму у испытуемых с различными мнемическими стратегиями. Нами было показано ранее, что феноменологические характеристики воспоминания меняются в связи с динамикой смысла действия, к которому относится воспоминание [6]. При повышении актуальности мотивации безопасности испытуемые оценивали одно и то же свое воспоминание, содержательно связанное с данной темой (взрывы жилых домов в Москве) как более детальное, яркое и достоверное, чем за полгода до этого. Другими словами, на нарастание актуальности мотива деятельности, в рамках которой выполняется мнемическая задача, чувственная ткань образа воспоминания «отвечает» повышением субъективной яркости, полноты и детальности. Данный процесс осуществляется непроизвольно и не осознается.

В данном исследовании испытуемые актуализировали два различных воспоминания с минимальным временным интервалом, что позволяет оценить, как изменяется

субъективная яркость воспоминаний в зависимости от задачи, которую решает испытуемый при переходе от одного воспоминания к другому. Мы предположили, что при реализации стратегии удержания вызванного воспоминанием эмоционального состояния или его улучшения имеет место произвольное управление потоком воспоминаний. Это происходит за счет актуализации аналогичного по эмоциональной насыщенности воспоминания (позитивное 1, позитивное 2) или за счет компенсации вторым воспоминанием негативного эффекта первого воспоминания (негативное 1, позитивное 2). Напротив, когда за позитивным воспоминанием следует негативное, испытуемый, по каким-то причинам ассоциативно «соскальзывающий» на негативное воспоминание, не способен вернуться к целевому позитивному эмоциональному состоянию, т.е. недостаточно произвольно использует саморегуляционный потенциал автобиографической памяти.

Применение Т - критерия для независимых выборок показало, что эмоциональная насыщенность воспоминания о детстве, с которой начинают рассказ представители «эквивалентной» и «ухудшающей» подгрупп, не различаются (t=0,1, MD=0,01, p=0,92), и высока в обеих подгруппах (среднее 4,83 (0,9) и 4,82 (0,67) соответственно). Представители третьей «улучшающей» подгруппы, наоборот, начинают рассказ с негативного воспоминания (среднее 2,38 (1,39)). Однако у представителей «эквивалентной» подгруппы первое по порядку воспоминание более яркое (t= – 1.94, MD= – 0.34, p=0,05), чем у представителей двух других подгрупп. Результаты применения однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, где независимой переменной является параметр субъективной яркости, поддерживают гипотезу, что субъективная яркость воспоминания о детстве, которым испытуемый начинает рассказ, предсказывает эмоциональную стратегию извлечения следующего воспоминания. Максимальная субъективная яркость первого в ряду воспоминания предсказывает стратегию «эквивалентности», минимальная – стратегию «улучшения», а средний уровень яркости – стратегию «ухудшения» (F=3,691, df=2, MS=1.2, p=0.02). Можно предположить, что для первых двух групп параметр яркости отражает тенденцию сохранить или улучшить текущее эмоциональное состояние, инициирует активность по поиску конгруэнтного цели автобиографического воспоминания. В третьей группе («ухудшение») средний субъективный уровень перцептивной яркости образа не пригоден в качестве подобного ориентира.

Для дальнейшего рассмотрения с целью элиминации гендерного эффекта мы рассматривали только женскую часть выборки (N=117). Было установлено, что у представительниц подгруппы, реализующих «эквивалентную» стратегию актуализации воспоминаний, значимо более высокие показатели по следующим шкалам 16ЛФ Кетелла: по шкале E (F=4,35, df=2, MS=13,24, p=0,04), по шкале G (F=3,852, df=2, MS=11,7, p=0,05) и шкале Q3 (F=4,651, df=2, MS=25,9, p=0,03). Причем по шкалам G и Q3 средние значения достаточно высоки (6,44 (1,6) и 6,94 (2,2) соответственно). Данный результат можно проинтерпретировать следующим образом: испытуемые, способные удерживать желаемое направление и интенсивность эмоциональной насыщенности произвольно воспроизводимых автобиографических воспоминаний, характеризуются как более выдержанные, решительные, обязательные, ответственные и более дисциплинированные, точные в выполнении социальных требований, хорошо контролирующие свои эмоции.

Полученный результат делает нашу гипотезу о личностной обусловленности эмоциональной последовательности воспоминаний еще более обоснованной.

Е) Количество персонажей, включенных в воспоминания о детстве

В описании воспоминания о детстве в среднем присутствовало три персонажа (размах данных – от 1 до 10, ст. откл.= 2,13). Испытуемые с более «многолюдными» воспоминаниями на уровне тенденции отличаются более низким уровнем отраженного

самоотношения (F = 1,943, df = 2, MS = 7,007, p = .06) при достоверно более высоком уровне внутреннего конфликта (F = 2,462, df = 2, MS = 8,534, p = 0,02). Эти испытуемые характеризуются также высокими показателями по шкале Q2 опросника 16 PF Кетелла, отражающей самодостаточность и самостоятельность (F =2,065, df=2, MS=19,199, p=0,04). Обнаружена нелинейная связь числа персонажей в воспоминании с личностными характеристиками респондентов. Группа с присутствием 2 – 4 персонажей значимо отличается как от обладателей «многолюдных» воспоминаний, так и от «единоличников». Если рассмотреть группу, в воспоминаниях которых присутствует только один персонаж (они сами), то указанная тенденция низкого уровня отраженного самоотношения становится значимой (T=1,957, df=94, MD=1,22, SD=0,623, p= ,05).

Ж) Субъективная частота обращения к воспоминаниям о детстве

Анализ субъективных оценок частоты обращения к воспоминаниям о детстве (ср. = 3,34, ст.откл. = 0,75) показал, что более высокая относительно средней частота обращения к таким связана с высоким уровнем самоценности (F = 2,225, df = 2, MS = 0,993, p = 0,027), открытостью, участливостью (шкала A опросника 16 PF Кетелла) – (F = 2,229, df = 2, MS = 2,008, p = 0,022), при высокой зависимости от группы (шкала Q2 опросника 16 PF Кетелла) (F =2.677, df=2, MS=2.273, p=0.008) и фрустрированности (шкала Q4 опросника 16 PF Кетелла) (F =2.326, df=2, MS=2,050, p=0,025).

З) Субъективная яркость воспоминаний о детстве

Испытуемые в среднем оценивали свои воспоминания о детстве как чрезвычайно яркие (при среднем значении 4,17 балла, SD = 0,84). Более высокая по сравнению со средним яркость воспоминаний о детстве связана с высоким уровнем самопринятия (F = 2,195, df = 2, MS = 1,798, p = 0,041) и мечтательностью, сентиментальностью, эмоциональной чувствительностью (Шкала I опросника PF 16 Кетелла) (F = 2,738, df = 2, MS = 1,918, p = 0,007).

И) Активное включение воспоминаний о детстве в коммуникацию

Среди воспоминаний, которые испытуемые указывают в качестве значимых, встречаются как те, которые являются частым предметом для обсуждения с окружающими, так и те, которые сохраняются «для себя» вне контекста коммуникации (ср. = 2,77, ст. откл. = 1,18).

Стремление активно включать воспоминания о детстве в коммуникацию с другими людьми связано с низкими показателями по шкале C опросника 16 PF Кетелла (слабое «Я») (F = 2,383 df = 9, MS = 40,679, p = 0,017) и высокими показателями по шкале M опросника 16 PF Кетелла (мечтательность, погруженность в себя, отсутствие заботы о повседневной жизни) (F =2,562, df=8, MS=3.306, p=0,014).

В кратком виде связь психологического облика взрослого и устойчивых стилевых характеристик его воспоминаний о детстве представлена в Табл.1.

Таблица 1. Свойства воспоминаний о детстве и параметры персональной идентичности взрослой личности.

Свойства воспоминаний о детстве	Психологические характеристики личности
Первое воспоминание о детстве ранее 4 лет	Высокий уровень саморуководства Высокий уровень самоценности Низкий уровень внутреннего конфликта
Позитивная эмоциональная оценка воспоминаний о детстве	Высокий уровень отраженного Самоотношения Эмоциональная стабильность (С16 PF) Самоконтроль (Q 3 16 PF) Практичность (-М 16 PF)
Ярко негативная эмоциональная оценка воспоминаний о детстве	Низкий уровень самопринятия Избыточный реализм
Число персонажей, включенных в воспоминания о детстве отличается от оптимального (2 – 4)	Низкий уровень отраженного Самоотношения Высокий уровень внутреннего конфликта Самостоятельность (Q 2 16 PF)
Высокая частота обращения к воспоминаниям о детстве	Высокий уровень самоценности Открытость (А 16 PF) Зависимость (-Q 2 16 PF) Фрустрированность (Q4 16 PF)
Высокая яркость воспоминаний о детстве	Высокий уровень самопринятия Мечтательность (I 16 PF)
Активное включение воспоминаний о детстве в коммуникацию	Слабое «Я» (С 16 PF) Погруженность в себя, непрактичность (- М 16 PF)
Присутствие на Линии жизни события «мое рождение»	Эмоциональная стабильность (О 16 PF) Низкий уровень внутреннего конфликта Самоценность Удовлетворенность (-Q4 16 PF)
Стратегия сохранения или повышения высокой позитивной эмоциональной насыщенности в ряду воспоминаний	Самоконтроль (Q 3 16 PF) Сознательность, ответственность (Е 16 PF)

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Воспоминания о детстве предстают перед испытуемыми в форме ярких картин, что свидетельствует о преимущественном включении в субъективную картину детства воспоминаний «фотографического» типа.

Полученные в корреляционном исследовании результаты свидетельствуют об интраиндивидуальной (стилевой) устойчивости характеристик воспоминаний о детстве и их связи с психологическим обликом взрослого.

Средний возраст самого раннего воспоминания респондентов составил 4,4 года. По данным зарубежных авторов, средний возраст, к которому адресуется самое раннее

воспоминание, является культурозависимым и варьирует в пределах от 2,1 года (представители народа маори) до 4,1 лет у китайцев [11; 12]. Полученные нами данные объясняются тем, что в исследовании не было создано специальной установки на поиск самого раннего воспоминания, поэтому испытуемые сами устанавливали критерий качества, исключая отрывочные, фрагментарные образы младенчества, и воспроизводили только полноценные, вполне сформированные воспоминания.

Доступность более ранних воспоминаний обнаруживает однозначно позитивную связь с благополучными для бытия личности характеристиками – саморуководством, самоценностью и низким уровнем внутреннего конфликта. Поскольку субъективное смещение начала личной истории к более позднему возрасту нельзя объяснить действием когнитивных механизмов [3], разумно считать причиной этого мотивационные факторы. Феномен «утраты» детства, обнаруженный нами у лиц в ситуации тяжелого кризиса [4], проявляется в мягкой форме при переживании потери контроля над своей жизнью, снижении самоценности и внутреннем конфликте. При этом детство психологически «изолируется» как нерелевантное существующей здесь и сейчас ситуации. Предлагаемая интерпретация подтверждается также обнаруженным фактом, что склонные к самообвинению, неуверенные в себе, фрустрированные испытуемые избегают наносить на Линию жизни событие «мое рождение» (которое является высоко ценностно насыщенным автобиографическим знанием). Доказано, что за ранним формированием автобиографической памяти стоит такая ситуация семейного воспитания, где взрослые активно общаются с ребенком и поощряют развернутые автобиографические рассказы [10]. Становление личности человека в подобной семейной обстановке более благополучно, по сравнению с ситуацией депривации общения со взрослыми [9]. Таким образом, раннее развитие автобиографической памяти является индикатором гармоничного развития личности.

Позитивная оценка воспоминаний о детстве обнаружила связь с переменными, отражающими включенность человека в социальную группу. Позитивная эмоциональная окраска воспоминаний (на уровне 4,5) свойственна людям, которые уверены в позитивном отношении к себе со стороны окружающих, эмоционально стабильны, отличаются высоким самоконтролем и практичностью. Можно предположить, что позитивные воспоминания о детстве являются, с одной стороны, оптимальным психологическим орудием для поддержания теплого внутригруппового климата, а с другой стороны, снимают тревожность относительно принятия членами группы.

Показано, что большая часть событий (до 90 %), которая фиксируется в памяти ребенка в ходе обсуждения с родителями, имеет позитивную эмоциональную нагрузку [13]. В связи с этим, демонстрация ярко выраженной негативной окраски воспоминаний о детстве представляется своеобразным «мнемическим нонконформизмом» и должна свидетельствовать о серьезной социальной дезадаптации. Действительно наше исследование показало, что подобные респонденты показывают значимо более низкий уровень самопринятия и выходящий за границу нормы реализм (часто, по-видимому, переходящий в цинизм и нигилистическое отрицание).

Другой переменной данной группы является число персонажей в воспоминании. Большое число персонажей в воспоминаниях связано с групповой дезинтеграцией. Люди, в чьих воспоминаниях принимают участие более четырех персонажей, характеризуются низким уровнем отраженного самоотношения (т. е. уверены, что окружающие относятся к ним негативно), высоким уровнем внутреннего конфликта и высокой независимостью от группы. Можно предположить, что «многолюдность» образа воспоминания отражает недифференцированность в межличностных отношениях. Человек понимает, что в его

жизнь включено много людей, но не умеет (а возможно, и не стремится) устанавливать с ними личные персонифицированные контакты. Подобное предположение подтверждает тот факт, что выраженность личностных характеристик изменяется нелинейно. Оптимальные показатели наблюдаются в группе, включившей в описания воспоминаний детства 2 – 4 персонажа, в то время как носители "многолюдных" воспоминаний схожи с теми, у кого в воспоминаниях присутствует только один персонаж – они сами. Вероятно, можно интерпретировать данный показатель как две стороны одной медали: прямое одиночество и «одиночество в толпе».

Нами анализировались также различия между характеристиками первого и второго по порядку воспроизведения воспоминаниями о детстве. Были выделены три стратегии при переходе от одного воспоминания к другому: стратегия эквивалентности (и первое и второе воспоминания высоко положительно эмоционально насыщены), стратегия «улучшения» (второе воспоминание более позитивно, чем первое) и стратегия «ухудшения» (второе воспоминание более негативно, чем первое). Стратегия «улучшения» оказалась гендерно специфичной и свойственной мужчинам. Мы предположили, что реализация «эквивалентной» и «улучшающей» стратегий свойственна людям с более высоким уровнем произвольности и отражает сознательное использование автобиографических воспоминаний для функций саморегуляции. Данная гипотеза поддерживается специфическими характеристиками испытуемых, реализующих стратегии такого типа. Они продемонстрировали высокие показатели по шкалам E, G и Q3 опросника Кетелла, что описывает их как независимых, ответственных, сознательных и располагающих способностью к самоконтролю. Было показано также, что параметр субъективной яркости является ориентиром, который используется испытуемым для выбора той или иной стратегии актуализации воспоминаний.

ВЫВОДЫ

В корреляционном исследовании обнаружены связи между особенностями психологического облика взрослого и характеристиками воспоминаний о детстве. Мы интерпретируем этот факт как результат двустороннего взаимодействия реально пережитого опыта детства с механизмами селективности психики взрослого, отбирающими для актуального использования те воспоминания, которые согласуются со сложившейся структурой личности.

Воспоминания о детстве обладают интраиндивидуальной стилевой устойчивостью, по параметрам готовности включения в коммуникацию, частоты использования, локализации источника воспоминания, яркости, числу включенных в описание персонажей, а также насыщенности и знаку эмоционального компонента.

Включение события «мое рождение» в графическое изображение своего прошлого связано с высоким уровнем эмоциональной устойчивости и удовлетворенности и с низким уровнем внутреннего конфликта.

Люди, которым спонтанно доступны более ранние воспоминания, характеризуются саморуководством и самоценностью при низком уровне внутреннего конфликта.

Люди, чьи воспоминания о детстве включают преимущественно позитивные эмоции, уверены в хорошем отношении окружающих, эмоционально устойчивы, отличаются высоким самоконтролем.

Резко негативная эмоциональная окраска воспоминаний о детстве связана с низким уровнем самопринятия и выходящей за пределы нормы тенденцией к реализму и избеганию иллюзий.

Обнаружено оптимальное число персонажей воспоминания о детстве (2– 4), отклонение от которого связано с низким уровнем отраженного самоотношения, изоляцией от социального окружения и высоким уровнем внутреннего конфликта.

Продемонстрировано, что люди с высоким уровнем развития произвольности способны к регуляции своего эмоционального состояния за счет актуализации последовательности воспоминаний с выбранным эмоциональным знаком.

В целом можно заключить, что автобиографические воспоминания, с одной стороны, являются источником содержания персональной самоидентичности (я такой, каким себя помню), а с другой стороны, за счет селективности, пластичности и символического характера выступают орудием закрепления достигнутой конфигурации личностных свойств (вот почему я такой).

Литература

1. Бондарева М. О. Образ детства взрослого человека в контексте жизненной ситуации // Дис. канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2007.
2. Исполатова Е. Н., Николаева Т. П. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопросы психологии. 1999. - № 1.
3. Нуркова В. В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1.
4. Нуркова В. В., Василевская К. Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2003. №5.
5. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
6. Нуркова В. В. Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историческая психология. 2009. № 2.
7. Фрейд З. Избранное. М., 1989.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
9. Farrant K., Reese E. Maternal style and children's participation in reminiscing: Stepping stones in children's autobiographical memory development // Journal of Cognition and Development. 2000. № 1.
10. Fivush R., Vasudeva A. Remembering to relate: Socioemotional correlates of mother–child reminiscing // Journal of Cognition and Development. 2002. № 3.
11. Hayne H. Earliest memories in Maori New Zealanders // Memory. 2000. V.8. № 6.
12. Wang Q. Infantile amnesia reconsidered: A cross-cultural analysis // Memory. 2003. №11.
13. Reese E., Brown N. Reminiscing and recounting in the preschool years // Applied Cognitive Psychology. 2000. № 14.

Characteristics of Childhood Memories and the Psychological Profile of an Adult

Nourkova V.V.,

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, M.V. Lomonosov Moscow State University; Department of Special Psychology, Moscow State University of Psychology and Education
nourkova@mail.ru

Masolova G.Yu.

Alumni, Department of Psychology, M.V. Lomonosov Moscow State University

---

The article presents the results of an empirical research that discovered associations between the characteristics of psychological profile of an adult and characteristics of childhood recollections. The findings are interpreted as the result of bilateral interaction of the actually lived through childhood experiences with the selectivity mechanisms of the adult psyche, that select for actual use those memories that are consistent with the established structure of personality. The childhood memories have intra-individual style resistance, with the parameters of readiness to be included in communication, frequency of use, localization of the source of memories, the brightness, the number of characters included in the description, as well as saturation and the sign of the emotional component. The inclusion of "my birth" event into the graphic representation of the past is connected to the high level of emotional stability and satisfaction, as well as with low level of internal conflict. People for whom the earlier memories are spontaneously available are characterized by high self governance and self-worth and have a low level of internal conflict. People, whose memories of childhood include mostly positive emotions, believe in friendly attitude of others, are emotionally stable, have high self-control. Sharply negative feelings towards childhood memories are linked to low self-acceptance, realism tendency and avoidance of illusions. The optimal number of characters in childhood memories is 2 to 4. Deviations are associated with low levels of reflected self-attitude, isolation from the social environment and high level of internal conflict. People with high level of arbitrariness are capable of regulating their emotional state by the means of actualization the sequence of memories with the chosen emotional sign (positive or negative).

Keywords: childhood memories, autobiographical memory, self-attitude

---

References

1. Bondareva M. O. Obraz detstva vzroslogo cheloveka v kontekste zhiznennoi situacii // Dis. kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg, 2007.
2. Ispolatova E. N., Nikolaeva T. P. Modificirovannaya tehnika analiza rannih vospominanii lichnosti // Voprosy psihologii. 1999. - № 1.
3. Nurkova V. V. Analiz fenomenov avtobiograficheskoi pamyati s pozicii kul'turno-istoricheskogo podhoda // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 1.
4. Nurkova V. V., Vasilevskaya K. N. Avtobiograficheskaya pamyat' v trudnoi zhiznennoi situacii // Voprosy psihologii. 2003. №5.
5. Nurkova V. V. Svershennoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti. M., 2000.
6. Nurkova V. V. Effekt zavisimosti fenomenologicheskih harakteristik mnemicheskogo obraza ot motivacionno-smyslovoi dinamiki deyatel'nosti // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 2.
7. Freid Z. Izbrannoe. M., 1989.
8. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. M., 2007.
9. Farrant K., Reese E. Maternal style and children's participation in reminiscing: Stepping stones in children's autobiographical memory development // Journal of Cognition and Development. 2000. № 1.
10. Fivush R., Vasudeva A. Remembering to relate: Socioemotional correlates of mother–child reminiscing // Journal of Cognition and Development. 2002. № 3.
11. Hayne H. Earliest memories in Maori New Zealanders // Memory. 2000. V.8. № 6.
12. Wang Q. Infantile amnesia reconsidered: A cross-cultural analysis // Memory. 2003. №11.
13. Reese E., Brown N. Reminiscing and recounting in the preschool years // Applied Cognitive Psychology. 2000. № 14.